

Номер: №2 за 1995 год

ДВА РАССУЖДЕНИЯ О ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПРЕДПОЧТЕНИЯХ

Ядов В.А.

Ядов Владимир Александрович — доктор философских наук, профессор, директор Института социологии РАН.

Предлагаю небольшую публикацию, которая, видимо, подошла бы для рубрики "Заметки исследователя" (а быть может, ввести такую в журнале - ведь случается, что полезная мысль по разным причинам не находит развития в "нормальной" статье: нет времени на ее подготовку или идея сама по себе нетривиальна, но для статьи этого маловато). Во всяком случае хочу поделиться некоторыми соображениями, связанными с исследовательским процессом.

Политеоретический подход в интерпретации и объяснении социальных фактов подобен тому что мы делаем при факторном анализе. Если исходить из более или менее обоснованного утверждения, согласно которому ни одна из классических (да и современных) теорий не представляется ни всеобъемлющей, ни вполне адекватной для объяснения социальных реалий нашего времени, то почему бы не использовать аналогию работы методом факторного анализа?

При факторном анализе мы добиваемся в предельном случае стопроцентного объяснения полученных взаимосвязей. Предположим, что первый фактор исчерпывает 28% вариаций, а последующие — 12,8, 5, 3 и т.д. Мы вполне удовлетворены, если удастся исчерпать, скажем, 65-70% или даже половину вариаций.

Аналогично и при использовании политеоретических объяснений. С помощью данной теории мы как бы объясняем некоторую "часть" наблюдаемых явлений и далее присовокупляем другие объяснения, что в предельном случае позволяет надеяться на — скажем очень осторожно — почти полное объяснение.

Например, в нашей работе по изучению тенденций формирования новых и / или удержания прежних социально-групповых идентичностей можно использовать самые разные теоретические подходы.

- Классические теории маргинализации социальных групп в условиях радикальных социальных преобразований акцентируют внимание на том, что маргиналы не обладают устойчивой социальной идентичностью.
- Марксистский принцип предлагает искать объяснения изучаемого нами процесса в материальных условиях человеческого бытия, что действительно позволяет многое понять. Например, тот факт, что важнейший водораздел в социальных идентификациях проходит сегодня по границе "бедные — богатые".

- Феноменологический подход объясняет процессы социальной идентификации в понятиях "конструирования социальной реальности" (П.Бергер и Т.Лукман) и формирования "жизненного мира" субъектом (А.Шютц), "Строительный материал" для этой деятельности дают и средства массовой информации, и повседневная практика, а психологические механизмы изучаемого явления рассматриваются в различных психологических теориях.
- З.Фрейд подсказывает идею об утрате "отцовской функции" суперэго, то есть неустойчивости ценностно-нормативной системы (аномия) и отсюда — фрустрация плюс стремление опереться на какие-либо авторитеты, Тот же теоретический подход объясняет агрессивность, поиски "врага" и формирование "негативных идентификаций": знаем, кем мы не являемся ("мы — это не они"), но не знаем — кто мы.
- Когнитивная психология (теория атрибуций) объясняет эффекты приписывания определенных смыслов совершенным действиям "постфактум". Наиболее яркий пример такого рода — пробуждение интереса к церкви с последующим "приписыванием" смыслов этого интереса: тяга к религии в качестве устойчивой опоры нравственности, вера в Бога, стремление обрести русскую (иные конфессии — иную) национальную идентичность.
- Бихевиористский подход объясняет явления контекстуальной идентичности и контекстуальных солидарностей в данное время и в данных условиях, сменяемых иными солидарностями и идентичностями в другое время и в других условиях в коротких пространственно-временных интервалах, Мы располагаем убедительными данными на этот счет.
- Теории нестабильных систем (динамический хаос по И.Пригожину) и переходных периодов объясняют стремление к удержанию прошлого как несомненно устойчивой опоры в сравнении с неопределенным будущим и зыбким настоящим, Отсюда — оживление солидарностей и идентичностей советского и даже дореволюционного прошлого (например, сословные солидарности).
- Теории посттоталитарного и постсоветского обществ помогают понять, отчего усиливаются корпоративные солидарности и ослаблены общенациональные (общегражданские): это реакция на игнорирование в прежнем любого частного интереса в пользу общего.

В данном примере мы использовали восемь различных теоретических объяснений разного уровня и из разных дисциплин (философское, социологические, психологические). В принципе, можно (и должно) по мере интерпретации конкретных данных продолжить "наращивание" теоретических объяснений подобно тому, как мы наращиваем число факторов до некоторого удовлетворяющего нас относительно убедительного истолкования и объяснения изучаемых явлений.

И, наконец, последний момент. В марксистской традиции понятие "эклектический подход" звучит едва ли не как бранное выражение, ибо марксизм как теория, претендующая на универсальность, не допускает иных толкований. Здесь же мы сознательно применяем этот принцип, отказываясь от следования какой-либо универсальной теории.

Хотел бы предложить еще одну аналогию — в данном случае относительно периодизации изменений научной парадигмы в теоретической социологии. На Международной конференции по логике, методологии и философии науки (Обнинск, апрель 1995 года) С.Я.Матвеева выступила с интересным докладом о своего рода

революциях (по Т.Куну) в научных парадигмах нашей дисциплины. Ее сообщение вызывает небезыңтересные аналогии с развитием личности от детства к зрелости. Детство социологии — это подражание "взрослым", уже признанным наукам, овладевшим экспериментальной методологией и операциями с числами: О.Конт создает "позитивную" социологию по аналогии с физикой (статика, динамика...), Г.Спенсер — по аналогии с эволюционным учением Дарвина и надолго утверждает парадигму общества как "социального организма".

Подростковый возраст — это работы классиков (К.Маркс, Э.Дюркгейм, М.Вебер). Как и подросток, теоретик социального знания претендует на максимальную всеобщность и универсализм. М.Элброу называет этот период периодом борьбы национальных школ, каждая из которых претендует на правильность объяснения общества (добавим Тойнби, В.Парето, С.Булгакова, П.Сорокина...).

Взрослость — период рефлексии и сомнений. Теоретическая социология обращается к психологии, ищет объяснений в субъектных механизмах социального поведения (Т.Парсонс, Ч.Кули, Дж.Мид...).

Зрелость — период сомнений и переоценки пройденного пути: феноменологи, постмодернисты. Зрелая теоретическая социология сомневается во всем и уж во всяком случае не намерена ни подражать естественно-научной парадигме, ни следовать классике, где методологический принцип — образец некоего совершенства.

Сегодня мы находимся в волнующемся океане или зыбком море взлетов и падений теоретических предпочтений. Это просто констатация фактического положения в теоретической социологии.

Спрашивается: что дальше? Следуя той же аналогии — переход в иное измерение. Я думаю, что происходит такая ломка теоретической парадигмы нашего знания, которая обещает не вечное блаженство, но, напротив — вечную неудовлетворенность: "Я знаю лишь то, что ничего не знаю".